

Жена — эпизод 19 из 19

Пока наши отношения к народу будут носить характер обычной благотворительности, как в детских приютах или инвалидных домах, до тех пор мы будем только хитрить, вилять, обманывать себя и больше ничего. Отношения наши должны быть деловые, основанные на расчете, знании и справедливости. Мой Васька всю свою жизнь был у меня работником; у него не уродило, он голоден и болен. Если я даю ему теперь по 15 коп. в день, то этим я хочу вернуть его в прежнее положение работника, то есть охраняю прежде всего свои интересы, а между тем эти 15 коп. я почему-то называю помощью, пособием, добрым делом. Теперь будем говорить так. По самому скромному расчету, считая по 7 коп. на душу и по 5 душ в семье, чтобы прокормить 1 000 семейств, нужно 350 руб. в день. Этой цифрой определяются наши деловые обязательные отношения к 1 000 семейств. А между тем мы даем не 350 в день, а только 10 и говорим, что это пособие, помощь, что за это ваша супруга и все мы исключительно прекрасные люди, и да здравствует гуманность. Так-то, душа моя! Ах, если бы мы поменьше толковали о гуманности, а побольше бы считали, рассуждали да совестливо относились к своим обязательствам! Сколько среди нас таких гуманных, чувствительных людей, которые искренно бегают по дворам с подписными листами, но не платят своим портным и кухаркам. Логика в нашей жизни нет, вот что! Логика!

Мы помолчали. Я мысленно сделал расчет и сказал:

Я буду кормить тысячу семейств в продолжение двухсот дней. Вы приезжайте завтра поговорить.

Я был доволен, что это вышло у меня просто, и был рад, что Соболев ответил мне еще проще:

Ладно.

Мы заплатили, что нужно, и вышли из трактира.

Люблю так путаться, сказал Соболев, садясь в сани. Экшеленца, одолжите спичку: я свои в трактире забыл.

Через четверть часа его пара отстала, и сквозь шум метели уже не слышно было его звонков. Приехав домой, я прошелся по своим комнатам, стараясь обдумать и возможно яснее определить себе свое положение; у меня не было готово для жены ни одной фразы, ни одного слова. Голова не работала.

Не придумав ничего, я отправился вниз к жене. Она стояла у себя в комнате всё в том же розовом капоте и в той же позе, как бы загораживая от меня свои бумаги. Лицо ее выражало недоумение и насмешку. Видно было, что она,

узнав о моем приезде, приготовилась не плакать, не просить и не защищать себя, как вчера, а смеяться надо мною, отвечать мне презрением и поступать решительно. Лицо ее говорило: если так, то прощайте.

Natalie, я не уехал, сказал я, но это не обман. Я с ума сошел, постарел, болен, стал другим человеком как хотите думайте... От прежнего самого себя я отшатнулся с ужасом, с ужасом, презираю и стыжусь его, а тот новый человек, который во мне со вчерашнего дня, не пускает меня уехать. Не гоните меня, Natalie!

Она пристально посмотрела мне в лицо, поверила, и в ее глазах блеснуло беспокойство. Очарованный ее присутствием, согретый теплом ее комнаты, я бормотал как в бреду, протягивая к ней руки:

Я говорю вам: кроме вас, у меня никого нет близких. Я ни на одну минуту не переставал скучать по вас, и только упрямое самолюбие мешало мне сознаваться в этом. Того прошлого, когда мы жили как муж и жена, не вернешь, и не нужно, но вы сделайте меня вашим слугой, возьмите всё мое состояние и раздайте его, кому хотите. Я покоен, Natalie, я доволен... Я покоен.

Жена, пристально и с любопытством смотревшая мне в лицо, вдруг тихо вскрикнула, заплакала и выбежала в соседнюю комнату. Я пошел к себе наверх.

Через час я уже сидел за столом и писал Историю железных дорог, и голодающие не мешали мне делать это. Теперь я уже не чувствую беспокойства. Ни те беспорядки, которые я видел, когда на днях с женою и с Сободем обходил избы в Пестрове, ни зловещие слухи, ни ошибки окружающих людей, ни моя близкая старость ничто не беспокоит меня. Как летающие ядра и пули на войне не мешают солдатам говорить о своих делах, есть и починять обувь, так и голодающие не мешают мне покойно спать и заниматься своими личными делами. У меня в доме, во дворе и далеко кругом кипит работа, которую доктор Соболев называет благотворительною оргией; жена часто входит ко мне и беспокойно обводит глазами мои комнаты, как бы ища, что еще можно отдать голодающим, чтобы найти оправдание своей жизни, и я вижу, что, благодаря ей, скоро от нашего состояния не останется ничего, и мы будем бедны, но это не волнует меня, и я весело улыбаюсь ей. Что будет дальше, не знаю.